

рабского и свободного труда. Кстати, в примечании стоило отметить ошибку Варрона в указании численности рабского персонала виноградника Катона (Катон называет 16 рабов, включая саликтария, а Варрон говорит о 15).

Столь же краток комментарий и к II, 10. А между тем дети на вилле, некоторые семейные отношения между рабами, этнический состав пастухов и предпочтение, отдаваемое испанцам и галлам, пекулий рабов и условия перехода при продаже-покупке раба — все это нуждается в развернутом комментарии.

В комментариях к III книге мало говорится об известной специализации рабов, занятых в приусадебном хозяйстве (см., например, III, 3, 4; 2, 14; 6, 3; 6, 5; 7, 5 и 7; 9, 7 и II, 10, 2).

М. Е. Сергеевко переводит словом «нов» латинские термины *novalis* и *terra rudis*. Это совершенно справедливо, но нельзя ли было объяснить точнее, что здесь имеется в виду: поле, отдохнувшее под паром, участок, поднятый из залежи, или вновь распаханная целина? Соответствующие оттенки в терминологии Варрона (I, 27, 2; 29, 1; 44, 2) можно, нам кажется, уло-

жить. В частности, термин *terra rudis* скорее всего обозначал целину или залежь.

В прим. 7 к II, 6,5 (стр. 181) дано спорное понимание соответствующего места Варрона. Нам кажется, здесь речь идет о перевозке хлеба, вина и других продуктов не к гаваням тирренского побережья, а к побережьям адриатическому и ионическому, в частности к Брундизию и Таренту. Транспортировать скоропортящиеся продукты на маловместительных повозках к далеким тирренским берегам было экономически нецелесообразно. Неудачен (на стр. 202) термин «керамическая промышленность».

Нельзя не пожалеть о том, что в книге нет указателей.

Достоинства рецензируемой книги велики. Русский читатель впервые получил полный перевод Варрона. Эту небольшую книгу с удовлетворением прочтут и историки, и филологи, и специалисты сельского хозяйства, и все любители древности; она станет незаменимым пособием и при научных изысканиях и для семинарских занятий.

В. И. Кузицин

Ф. А. ПЕТРОВСКИЙ, *Латинские эпиграфические стихотворения*, М., Изд-во АН СССР, 1962, 152 стр., Тираж 1800 экз., цена 69 коп.

Стихотворные надписи давно привлекали внимание ученых. Попытка рассмотреть эту часть эпиграфических памятников с точки зрения их поэтических достоинств и литературной ценности была предпринята еще в начале XX в. Ф. Плессис¹. Снабдив свое издание стихотворных латинских эпиграфий подробным комментарием, он, несмотря на разнообразие сообщаемых сведений и наличие элементов стилистического анализа, ограничился в основном историческим и археологическим исследованиями. В последующие десятилетия работа Плессис не нашла себе продолжателей. Правда, в некоторых пособиях по истории римской литературы помещались разделы о поэзии латинян в долитературный период, и ранние надписи гробниц Сципионов использовались при этом как иллюстративный материал². Но такие случаи могут рассматриваться лишь как более или менее подробные экскурсии в области

истории языка и археологии. В других подобных изданиях эпиграфическая поэзия не упоминалась вовсе.

В зарубежном литературоведении стихотворные надписи стали изучаться в 30-х гг. Английским ученым Парди была дана общая характеристика стихотворных надписей как особого вида поэтического творчества³. Немногим раньше эпиграфическая поэзия была рассмотрена с точки зрения ее отношения к произведениям римских элегических поэтов — Овидия, Тибулла, Проперция⁴. Продолжая такого рода работу, голландский ученый Р. П. Хоогма в последние годы проследил встречающиеся в эпиграфических стихотворениях реминисценции из Вергилия⁵.

Работа Ф. А. Петровского построена на совершенно иных принципах, чем исследования Лиссбергера и Хоогмы, которые ставят своей задачей изучение лишь

¹ F. Plessis, *Poésie latine. Epitaphes*, P., 1905.

² Э. Мартини, *История римской литературы*, I, СПб., 1914, стр. 23—24; М. М. Покровский, *История римской литературы*, М.—Л., 1942, стр. 22—23.

³ A. B. Purdie, *Latin Verse Inscriptions*, L., 1935.

⁴ E. Lissberger, *Das Fortleben der römischen Elegiker in den carmina epigraphica*, Tübingen, 1934.

⁵ R. P. Hoogma, *Der Einfluss Vergils auf die carmina epigraphica*, Amsterdam, 1959.

одной стороны эпиграфических стихотворений — их связь с римской классической литературой, причем иллюстративный материал привлекается только по мере необходимости и перед подробностями исследования часто отступает на второй план. Однако, поскольку надписи по доступности и распространенности изданий далеко уступают античным литературным текстам, возникает нужда также в издании и переводе эпиграфических стихотворных текстов, к которым следует подходить не как к вспомогательному материалу, но как к любому роду письменных литературных памятников, обладающих собственными художественными особенностями и достоинствами. Именно эту цель и ставит себе Ф. А. Петровский в своей работе. Из собрания Бюхелера⁶ выбраны 162 надписи, наиболее интересные и ценные с точки зрения литературных достоинств, латинский текст которых со следующим за каждой из них переводом и составляет основную часть книги⁷. Текст надписей был пересмотрен Ф. А. Петровским и тщательно сверен с СЛ и с известными изданиями Холодника и Дессау⁸. В книге отмечены (нередко в плане полемики) основные разночтения, влияющие на смысл, а также приведены возможные реконструкции не сохранившихся и испорченных частей текста (например, надписи 3, 19, 27, 33, 46, 52, 55, 67, 86, 89, 90, 95, 100, 106, 110, 113).

Книга содержит три тематических отдела: почитательные надписи, надгробные надписи, надписи разного содержания. Расположение надписей внутри каждого отдела целиком подчинено определенной логической связи, и таким образом каждый род надписей выступает в своей целостности как отдельная законченная глава исследования, имеющая собственную тематическую линию и собственную идею.

Почитательные надписи воспроизводят картину эволюции и противоречивости римских религиозных верований в период Империи. Рядом с краткими посвящениями мы находим здесь гимны Сильвану (№ 2, 3) и Приапу (№ 7), значение культов которых значительно

возросло по сравнению с временем Республики. Затем следуют обращения к второстепенным и местным божествам, а также две краткие надписи, посвященные Юштеру (№ 10) и Немесиде (№ 15), которые служат как бы иллюстрацией упадка классических традиций римской религии. Четыре надписи, заключающие этот отдел, посвящены уже не богам, а людям — императору Нерве, полководцам, отпрыску царственного рода вандалов — это дополняет наше представление о почитательных надписях.

Самый обширный отдел книги — эпитафии — разделен на семь глав: «Эпитафии простейшего содержания»; «Посмертная слава»; «Биографические эпитафии»; «Безвременная смерть»; «Жизнь и смерть»; «Загробная жизнь»; «Эпитафии животным».

Наиболее интересная и привлекательная сторона собранных в книге надгробных надписей — воссозданные в них образы людей, различных по социальному положению, по профессиям, по возрасту, по характерам. Здесь можно найти потомков древних патрицианских родов, воинов разных званий, вольноотпущенников, рабов, ремесленников, представителей интеллигентных профессий: поэтов, актеров, ораторов. Множество тем и образов обусловило большое разнообразие языковых и стиливых средств: лаконичность простейших эпитафий, обилие эпитетов в развернутых характеристиках — в биографических надписях, описательность и замедление в надписях, повествующих об отношении к жизни и смерти и о загробной жизни, изысканность в эпитафиях животным, юмор в надписях разного содержания.

Воспроизведение всех этих оттенков, высокого мастерство перевода и есть главное достоинство книги. Укажем, например, на точную передачу метрического разнообразия, аллитераций и анафор в одной из почитательных надписей Сильвану (№ 3), синонимии в надписи на базах Гебамунда (№ 22), на точное соответствие перевода оригиналу при нарушениях правил метрики в ряде случаев (№ 24, 35, 45, 50, 53, 56, 67, 75, 128). Красота и изящество, простота и ясность выражения мыслей делают перевод доступным для самого широкого круга читателей.

Вторая составная часть книги, едва ли не большая по объему — комментарии, сопровождающие каждую надпись. Каждый комментарий представляет собой маленькое исследование. В нем сообщаются следующие данные: местонахождение надписи; материал, на котором была сделана надпись; время написания (по возможности); метрическая композиция (включая и нарушения правил); особенности языка; необходимые реалии; реминисценции из римской поэзии; указа-

⁶ *Carmina latina epigraphica, conl. Fr. Buecheler, I—III, Lipsiae, 1895—1926.*

⁷ Многие из этих переводов уже знакомы читателям ВДИ по публикации Е. М. Штаерман «Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи» (стихотворные переводы Ф. А. Петровского) (1955, № 2—4; 1956, № 1—4; 1957, № 1).

⁸ *Carmina sepulcralia latina epigraphica, coll. J. Choldniak, Petropoli, 1904; H. Dessau, Inscriptiones Latinae selectae, I—III, B., 1892—1916.*

ния на прежние публикации. В сочетании с комментарием каждая надпись представляет собой наглядную и выразительную иллюстрацию какого-то определенного момента в процессе развития античной культуры.

Следует, однако, отметить, что многие не поддающиеся точной датировке надписи на основе языкового анализа или реальных данных могли бы получить гипотетическое указание на время их составления. Особенно в этом нуждаются эпитафии, вошедшие в разделы «Безвременная смерть» и «Жизнь и смерть», где в первом из восемнадцати стихотворений датировано только три, а во втором — из сорока одного только одиннадцать. Это тем более было бы желательно, что в соответствующем разделе вступительной статьи (стр. 8) не дано никаких хронологических указаний, как это сделано для повествовательных надписей (стр. 5).

Вступительная статья дает характеристику каждого рода надписей в целом, хотя и краткую, но вполне достаточную для первоначального ознакомления с этим родом литературы. Вызывает сожаление только отсутствие общего очерка истории эпиграфической поэзии со времени наиболее древних известных нам об-

разцов: изложение начинается прямо с надписей II—III вв. н. э. (стр. 5).

Помещенный после вступительной статьи «Список сокращений» в действительности представляет собой библиографию по исследуемой теме и может служить ценным пособием для начинающих. Однако ограничение библиографии «Списком сокращений» лишило издателей возможности указать на специальные литературоведческие исследования (это тем более досадно, что книга Хоогма, например, упомянута в примечаниях к вступительной статье на стр. 11).

В конце книги помещены два указателя для перевода номеров надписей по СЛ и антологии Бюхелера на нумерацию настоящего издания.

Книга иллюстрирована прекрасно выполненными фотографиями надгробий.

Книга Ф. А. Петровского в русской научной литературе — первое исследование стихотворных надписей как памятника поэзии и первый в мировой литературе их художественный перевод. Мы надеемся, что Ф. А. Петровский продолжит свою работу, и стихотворные памятники греческой эпиграфики тоже станут достоянием русского читателя.

Л. А. Фрейберг

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АКАД. С. А. ЖЕБЕЛЕВА
И ЧЛ.-КОРР. АН СССР ПРОФ. С. В. КИСЕЛЕВА*

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ О БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

(до 9.IX. 1944 г.)**

Античная история Болгарии по общему признанию представляет большой интерес не только как часть истории болгарского народа, но и как весьма существенный раздел истории древнего мира и всемирной истории вообще.

* Несколько лет назад известный советский ученый, член-корреспондент АН СССР, проф. С. В. Киселев, будучи главным редактором журнала «Вестник древней истории», обратился ко мне с просьбой написать обзорную статью на тему, сходную с тематикой настоящего моего труда. По независимым от меня причинам тогда я не смог выполнить

** Настоящий обзор в более подробном изложении опубликован в болгарской печати: Проф. Христо М. Данов, Критичен обзор върху буржоазната историография за България през античната епоха до 9.IX. 1944 г. ГСУ, философ.-ист. ф-т, т. LVII, книга II, София, 1964.

Ощущаемая уже давно историками древности у нас, в Болгарии, и за границей необходимость в возможно более полном определении как достигнутый болгарской буржуазной историографии в названной области, так и ее слабостей и недостатков, побуждают меня к тому, чтобы представить такой обзор исследований, выполненных как отечественными, так и иностранными учеными до нашей социалистической революции. В свете марксистско-ленинской исторической науки необходимо критически пересмот-

нить его просьбы и только теперь в состоянии откликнуться на его предложение. Преждевременная кончина С. В. Киселева и дорогие неувядающие воспоминания об академике С. А. Жебелеве, у которого я многому научился еще будучи студентом, побуждают меня посвятить настоящую работу светлой памяти этих двух выдающихся представителей советской исторической науки.